УДК 130.2; 82-32

Р. И. Максиняев*

ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ЮЗА АЛЕШКОВСКОГО: ГЕНЕЗИС, РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОВЕТСКОЙ МИФОЛОГИИ

Статья посвящена изучению генетических истоков поэтического творчества Юза Алешковского. Использованы сравнительно-исторический, культурно-исторический, а также метод целостного анализа художественного произведения. Установлено, что генезис особенностей творчества Юза Алешковского, с одной стороны, в его искреннем интересе к людям «низовой» культуры: заключеннымв тюрьмахсталинской тоталитарной эпохи (во многом, к «простым мужикам»), ворам, к так называемому «деклассированному обществу» как источнику дискурса тюремного фольклора и карнавализованного взгляда на идеальное советское государство. С другой — помимо широкого круга писательских контактов, генетическим истоком его песен становится интерес к литературоведению, непосредственное знакомство с литературоведами и их кругом общения (С. Бочаров, В. Кожинов, М. Бахтин, В. Турбин, Ю. Манн и др.). В-третьих, важное значение обретают общие тенденции переосмысления и доведения до абсурда соцреалистического канона в литературе андеграунда. Именно в стихотворных текстах и лагерных песнях Юз Алешковский впервые в своем творчестве применяет приёмы соц-арта, примеряя речевую маску «простого советского человека» и «простого советского заключённого» / «старого большевика», деконструируя с помощью иронии, квазистилизации советского языка и тонкой пародии идеологические концепты и языковые клише соцреализма.

Ключевые слова: Юз Алешковский, соцреалистический канон, советская мифология, андеграунд, соц-арт, «простой советский человек».

R. I. Maksinyaev

POETIC CREATIVITY OF YUZ ALESHKOVSKY: GENESIS, REPRESENTATION OF SOVIET MYTHOLOGY

The article is devoted to the study of the genetic origins of poetic creativity of YuzAleshkovsky. The comparative-historical, cultural-historical, as well as the method of holistic analysis of the artistic work are used. It is established that the genesis of the peculiarities of YuzAleshkovsky's creative work goes back, on the one hand, to his sincere interest in the people of the "grassroots" culture: prisoners of the Stalinist totalitarian era (in many respects, "simple men"), thieves, the so-called "declassified society" as a source of the discourse of prison folklore and carnivalized view of the ideal Soviet state. On the other hand, in addition to a wide range of writerly contacts, the genetic origin of his songs becomes his interest in literary studies, his direct acquaintance with literary scholars and their circle of contacts (S. Bocharov, V. Kozhinov, M. Bakhtin, V. Turbin, Y. Mann, etc.). Thirdly, the general tendencies of rethinking and bringing to absurdity the socialist realist canon in the literature of the underground acquire importance. It is in poetic texts and camp songs that YuzAleshkovsky, for the first time in his work, applies the techniques of socialist art, trying on the speech mask of "a simple Soviet man" and "a simple Soviet prisoner" / "old Bolshevik", deconstructing ideological concepts and linguistic clichés of socialist realism with the help of irony, quasi-stylization of the Soviet language and subtle parody.

Keywords: YuzAleshkovsky, socialist realism canon, Soviet mythology, underground, social art, "a simple Soviet man".

Поэтическое творчество классика и патриарха русской литературы, мастера сказовой манеры повествования и зачинателя «лагерной» авторской песни Юза (Иосифа) Хаимовича Алешковского охватывает как ранний (элегия-песня «За дождями дожди», 1950), так и самый поздний периоды творчества (баллада «Сельский почтальон», 2020). Как справедливо отмечал И. Бродский, говоря о Юзе Алешковском, «он вышел из тюремного ватника»[1, с. 10]. Несомненно, важным фактом биографии для понимания ряда стилистических особенностей поэзии и прозы писателя является его тюремное «прошлое»: «срок» с 1950 по 1953 гг., как известно, Юз Алешковский получил во время службы на Тихоокеанском флоте за дисциплинарное нарушение— угон автомобиля секретаря обкома и драку с патрульной

*Максиняев Ришат Ильдарович — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы;Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева; maksinyaev.rischat@yandex.ru

милицией[3, с. 9]. Затем — досрочное освобождение спустя четыре года пребывания в колонии, благодаря ворошиловской амнистии от 27 марта 1953 г., которая выплеснула огромную массу лагерного фольклора. К тому же, тяжелое детство в годы войны, тюремный опыт, моральное давление в тоталитарном государстве, идеология и цензура, неприятие соцреалистического дискурса — наложили особый «протестный» отпечаток на все его наследие. В связи с этим важновыявить генетические истоки творчества писателя, определить влияния«ближнего» культурного контекста на его поэтические опыты.

Генезис особенностей творчества Юза Алешковского — с одной стороны, в его искреннем интересе к людям «низовой» культуры: «сидельцам» сталинской тоталитарной эпохи (во многом, к «простым мужикам»), ворам, блатным, карманникам, к так называемому «деклассированному обществу» как источнику дискурса тюремного фольклора и карнавализованного взгляда на идеальное советское государство. С другой, помимо широкого круга писательских контактов, — интерес к литературоведению, непосредственное знакомство с литературоведами и их кругом общения (С. Бочаров, В. Кожинов, М. Бахтин, В. Турбин, Ю. Манн и др.).

Известно, что автор учился писать стихотворения в семнадцатилетнем возрасте у почти своего ровесника Генриха Сапгира во время их учёбы в Политехническом техникуме в г. Москве. С 1950 по 1953 гг. Юз Алешковский отбывает тюремный срок за дисциплинарный проступок, поэтому к ранним поэтическим экспериментам и философско-художественным влияниям «лианозовской школы» добавляется традиция фольклорных лагерных песен. На наш взгляд, на творчество писателя повлияли литературно-писательские круги, лагерный опыт, личные читательские и эстетические предпочтения, и в целом — общие тенденции переосмысления и доведения до абсурда соцреалистического канона в литературе андеграунда. Именно в стихотворных текстах и лагерных песнях Юз Алешковский впервые применяет приёмы соц-арта[20], примеряя речевую маску «простого советского человека» и «простого советского заключённого» / «старого большевика», деконструируя — через иронию, квазистилизацию советского языка и тонкую пародию — идеологические концепты и языковые клише соцреализма. При этом уточним, что маркер «масочности» [17; 18]в песнях — применение приемов пародии и соц-арта — наивно-иронического дублирования речевой практики «парадной» поэзии и советских идеологических штампов, изображающих различных персонажей: маска «старого большевика», «простого советского заключённого», «придворного поэта-сталиниста», «соцреалиста», «советского обывателя» или «советского обывателя-хроникера».

На наш взгляд, схожесть поэтических систем Юза Алешковского и Г. Сапгира выразилась в стратегии гротескно-сатирического преломления реальности, создании фантасмагорических образов персонажей, фольклорности, активном использовании образов материально-телесного низа, абсурде, а также в актуализации эротических мотивов как части народно-мифологического мировоззрения. Если Юз Алешковский воспринимает эротические мотивы в жанровом смысле, как часть лагерной жизни, или как прием политической сатиры, то для Сапгира эта тема приобретает, с одной стороны, сатирическую тональность, а с другой — абстрактность и концептуальность. Так, в стихотворении «Земля» поэт в сатирическом осмыслении бытовой, низовой реальности стремится подчеркнуть концептуально-абстрактную константу. Частное здесь трансформируется в общечеловеческое, а оно стремится стать мифом. Мифологизация частного размывает и абстрагирует сатирическую тональность, однако углубляет образ до уровня коллективного бессознательного. Стихотворение построено на параллелизме архетипа Земли и частно-бытового производительного акта, доведённого до абсурда и гротеска [21, с. 17]. Автор транспонирует античные мифологические аллюзии в бытовой маргинальный контекст.

Очевидно, что поэтическое творчество Юза Алешковского генетически восходит к некоторым принципам поэтики «лианозовской школы», а также косвенно — к принципам поэтики концептуализма, идущего от тех же лианозовцев — Г. Сапгира, Вс. Некрасова (приемы соц-арта в поэзии и в прозе). Отметим немаловажное влияние литературоведческих

идей М. Бахтина на всё творчество писателя, о чём сам он недвусмысленно намекает, говоря вообще о своем интересе к литературоведению (авторская программа М. Кравчинского «Я расскажу вам…», Канада, 2020). Именно в 1960-х гг. усилиями Г. Гачева, В. Кожинова и С. Бочарова творчество великого мыслителя и методолога гуманитарных наук Бахтина заново открывается отечественной интеллектуальной элитой, породив «бахтинский бум». С Бахтиным Юз Алешковский был лично знаком, имея общий круг общения [2, с. 75].

Значимое место в поэтическом творчестве Юза Алешковского занимает репрезентация советской мифологии. Так, в знаменитой песне «Товарищ Сталин, вы большой учёный» (1959), которая в городской народной культуре 1960–1980 гг. была крайне популярна и ошибочно воспринималась как анонимная, иронически осмысливается *миф о непогрешимом советском вожде Сталине***.** Произведение, будучи по жанру бардовской (авторской) песней, является по форме имитацией эпистолярного жанра — послания или же *письма зека вождю*, что уже помещает *высокий образ вождя народов* в сниженный смеховой лагерный контекст.

Лирический герой Юза Алешковского противопоставляет себя — «простого советского заключённого» — «большому учёному товарищу Сталину». Иронический образ построен на идеологически неправильном сопоставлении и расположении в одном ряду высокой фигуры «ученого» вождя и «простого советского заключённого», которому при этом, что усиливает иронию, «товарищ — серый брянский волк» [1, с. 503]. Смысл последней фразы, являющейся лагерной идиомой, означает то же, что и крылатая фраза «тамбовский волк тебе товарищ». Высокий образ вождя с сомнительной репутацией учёного-языковеда (статья «Марксизм и вопросы языкознания» (1950), разгромившая и развенчавшая марризм), помещённого в лагерный коммуникативный контекст, подвергается скрытому осмеянию и снижению.

В целом весь текст песни представляет собой пародийную имитацию массовой советской песни и парадной советской поэзии[1, с. 382] с единственной поправкой — адресант обращения к вождю — среднестатистический советский зек, а не придворный советский поэт. Образцовыми прецедентными текстами могут быть, например, «Песня о Сталине», «Слово товарищу Сталину» М. Исаковского. Так, в третьей строфе пародируется возвышенный пафос доверия народа вождю: «Но верили мы вам, товарищ Сталин, / как, может быть, не верили себе»[1, с. 503]. В четвертой — лирический герой иронически-наивно объясняет «грубость конвоиров» идеологическим штампом «обостренье классовой борьбы»[1, с. 503], восходящим к высказываниям самого Сталина. Пятая строфа — самая главная в идейном понимании стихотворения — саркастически пародирует эпиграф из ленинской газеты «Искра» («Из искры возгорится пламя» — ответ декабриста А. Одоевского А. Пушкину»[15, с. 382]), а также развенчивает центральную мифологему советского идеологического дискурса о «раздувании мирового пожара революции» (например, из поэмы А. Блока «Двенадцать»: «Мы на горе всем буржуям / Мировой пожар раздуем»): «вы здесь *из искры раздували пламя — / спасибо вам, я греюсь у костра*»[1, с. 503]. Здесь происходит скрытое семантическое снижение и разоблачение: сакральное понятие революционной борьбы сопоставлено с лагерным костром советских заключенных, греющихся у этого костра. Иначе читая, высокие свободные идеалы революции привели к несвободе и незаконным арестам советских граждан.

Восьмая и девятая строфы продолжают пародировать дискурс официальной советской идеологии: «Вчера мы *хоронили двух марксистов, / тела одели ярким кумачом*, / один из них *был правым уклонистом, / другой*, как оказалось, *ни при чём*»[1, с. 504]. Здесь осмеивается ритуал красных похорон, для которых было характерно применение красного цвета (ср. выражения: «ярким кумачом» и «кумачовое знамя»), символизирующего революцию, партию, идеологию марксизма-ленинизма, а также красные похороны означают, что хоронят героев-революционеров или «жертв революции»[10,с. 141–142].Подчеркнем, что карнавальное поведение, шутовство, маргинальность авторской позиции, отсутствие ханжества, искренний интерес к прекрасному полу — общие черты, которые объединяют феномен Н. Глазкова и Юза Алешковского. Их невписываемость в официальный

литературный процесс, нонконформизм породили схожие художественные практики. Так, о чудачествах Н. Глазкова сохранились свидетельства, например, Л. Лосева: «Глазков прожил жизнь московским юродивым»[12, с. 289].

Стихотворение Н. Глазкова «Он был стране отцом любимым…» явилось своеобразным откликом на смерть И. Сталина. Это стихотворение, датируемое началом 1960-х гг.[5, с. 414], на наш взгляд, создано под непосредственным влиянием «Песни о Сталине» Юза Алешковского, так как последняя исполнялась и была широко известна как фольклорная именно с начала 1960-х годов. Кроме того, авторы были близко знакомы[19, с. 59].

По мнению Б. Гройса, в литературе соц-арта «фигура Сталина выступает как запретная и притягательная, как символ утраченного отца и в то же время как воплощение политико-эротических грёз о всемогуществе» [14, с. 168]. Такое понимание образа Сталина в соц-арте калькирует основную стратегию соцреализма, направленную на выстраивание государственной вертикали культа личности, культа вождизма, абсолютно мифологического по своей сути. В стихотворении Н. Глазкова, как всегда лаконичного и афористичного, как раз запечатлён такой обобщённый образ «отца Сталина», идущий от произведений «придворных поэтов» советской литературы сталинской эпохи[5, с. 414].В первой строфе стихотворения Н. Глазкова происходит эффект наложения различных прецедентных текстов — художественных и нехудожественных, моделирующих вторичность соц-артовского слова. Лаконизм, граничащий с бедностью словаря и детским примитивизмом, апелляция к авторитету самого вождя («счёл необходимым»), эвфемизация танатологического образа («счёл детей оставить без отцов»), обращение к каноническим эпитетам и парафразам («любимый отец», «мудрец из мудрецов»), небрежность стиля (протокольный, документирующий стиль) — оформляют скульптурность и вторичность (ироничность) точки зрения лирического героя Глазкова. Все четверостишия четырёхстопного ямба в стихотворении построены на антиномиях-двустишиях: второе двустишие опровергает или же банализирует (развенчивает) первое, раздваивая облик речевой маски лирического героя то на «придворного поэта», то на «советского обывателя».

Можно заключить, что оба произведения насыщены приемами соц-арта — «искусства, работающего с идеями, символами, образом мышления соцреализма, вообще культуры советской эпохи»[14, с. 169]. Центральным пародируемым советским мифом у обоих поэтов становится «образ отца народов».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алешковский Юз*. Собрание сочинений: в 3 т. М.: ННН, 1996. Т. 3. 560 с.
2. *Бочаров С.Г.* Филологические сюжеты. М.: Языки славянских культур, 2007. 653 с.
3. *Быков Д.* Юз Алешковский // И все-все-все: сборник интервью. Вып. 2. М.: ПРОЗАиК, 2009. 336 с.
4. *Винокурова И.* «Всего лишь гений…» Судьба Николая Глазкова. М.: Время, 2008. 464 с.
5. *Глазков Н. И.* Хихимора. М.: Время, 2007. 536 с.
6. *Глэд Дж.* Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М.: Книжная палата, 1990. 159 с.
7. *Городницкий А.* И жить ещё надежде. М.: Вагриус, 2001. 635 с.
8. *Кропивницкий Е.* Избранное: 736 стихотворений + другие материалы. М.: Культурный слой, 2004. 671 с.
9. *Кулаков В. Г.* Поэзия как факт. М.: Новое лит. обозрение, 1998. 389 с.
10. *Куляпин А., Скубач О.* Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М.: Языки славянской культуры, 2013. 239 с.
11. *Лихачев Д. С.* Черты первобытного примитивизма воровской речи // Словарь тюремно-лагерно-блатного фольклора / авт.-сост. Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. Одинцово: Края Москвы, 1992. 456 с.

12. *Лосев Л.В.* Меандр: мемуарная проза. М.: Новое изд-во, 2010. 430 с.
13. Неофициальная поэзия: антология / сост. Г. Сапгир. URL: https://rvb.ru/np/publication/contents.htm#2_8(дата обращения: 06.01.2024).
14. *Нефагина Г. Л.* Русская проза конца XX века. М.: Флинта: Наука, 2005. 320 с.
15. *Новиков В. И., Басовская Е. Н.* Авторская песня.М.: Олимп, АСТ, 1998.506 с.
16. *Осьмухина О. Ю.* Алешковский Юз // Русские писатели, XX век: биогр. слов.: А — Я / сост. И. О. Шайтанов. М.: Просвещение, 2009. С. 24.
17. *Осьмухина О. Ю.* Русская литература сквозь призму идентичности. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. 284 с.
18. *Осьмухина О. Ю.* Традиция авторской маски в русской прозе XVIII–XIX веков. М.: ИНФРА-М, 2023. 378 с.
19. *Плисецкий Г.Б.* Одинокое соло трубы: стихотворения, переводы, дневники, статьи, письма / авт.-сост. Д. Г. Плисецкий. М.: Рутения, 2021. 576 с.
20. Преодолевшие соцреализм. Авангард 1970–1980-х в борьбе с социалистическим реализмом / под ред. О. В. Богдановой. СПб.: Алетейа, 2023. 232 с.
21. *Сапгир Г.* Избранные стихи. Москва — Париж — Нью-Йорк: Изд-во «Третья волна», 1993. 258 с.
22. *Скоропанова И. С.* Стихи-диссиденты Всеволода Некрасова. Минск: ИВЦ Минфина, 2020. 468 с.
23. Стихи о вожде / ред. А. Сурков. М.: Правда, 1949. 88 с.
24. *Шаргунов С.* Юз Алешковский: «Безбашенная моя бестолковка…» // Юность. 2021. № 9. С. 8–9.
25. *Шкловский В. Б.* Техника писательского ремесла. М.; Л.: Молодая гвардия, 1927. 72 с.

REFERENCES

1. *Aleshkovskii Iuz.* Sobraniesochinenij: v 3 t. [Collected Works: in 3 vols.]. Moscow: NNN, 1996. T. 3.560 s.
2. *Bocharov S. G.* Philological plots. Moscow: Iazykislavianskikhkul’tur, 2007.653 s.
3. *Bykov D.* IuzAleshkovskii // I vse-vse-vse: sbornikinterv’iu. Vyp. 2. Moscow: PROZAiK, 2009. 336 s.
4. *Vinokurova I.* “Only a genius...” The Fate of Nikolai Glazkov. Moscow: Vremia, 2008.464 s.
5. *Glazkov, N.* Khikhimora. Moscow: Vremia, 2007.635 s.
6. *Gled Dzh.* Conversations in Exile: Russian Literary Abroad. Moscow: Knizhnaiapalata, 1990. 671 s.
7. *Gorodnitskii A.* And live still in hope. Moscow: Vagrius, 2001.635 s.
8. *Kropivnitskii E.* Favorites: 736 poems + other materials. Moscow: Kul’turnyisloi, 2004. 671 s.
9. *KulakovV.* Poetry as Fact. Moscow: Novoe lit. obozrenie, 1998. 389 s.
10. *Kuliapin A., Skubach O.* Mythology of Soviet Everyday Life in the Literature and Culture of the Stalin Era.Moscow: Iazykislavianskoikul’tury, 2013.239 s.
11. *Likhachev D.* Traits of primitive primitivism of thieves’ speech //Slovar’tiuremno-lagerno-blatnogofol’klora.Odintsovo: KraiaMoskvy, 1992. 456 s.
12. *Losev L.* Meander: memoir prose. Moscow: Novoeizd-vo, 2010.430 s.
13. Unofficial poetry. Anthology. URL: https://rvb.ru/np/publication/contents.htm#2_8 (accessed 01.06.2024).
14. *Nefagina G.* Russian prose of the end of the XX century. Moscow: Flinta: Nauka, 2005.320 s.
15. *Novikov, V., Basovskaia, E.* Author’s Song. Moscow: Olimp, AST, 1998.506 s.
16. *Os’mukhina O.* AleshkovskyYuz //Russkiepisateli, KhKhvek: biogr. clov.: A–Ia. Moscow: Prosveshchenie, 2009. S. 24.

17. *Os'mukhina O.* Russian literature through the prism of identity. Saransk: Izd-voMordov. un-ta, 2009.284 s.
18. *Os'mukhina O.* Tradition of Author's Mask in Russian Prose of the XVIII–XIX Centuries. Moscow: INFRA-M, 2023.378 s.
19. *Plisetskii G.* Lonely trumpet solo: Poems, translations, diaries, articles, letters. Moscow: Ruteniia, 2021.576 s.
20. Those who have overcome social realism. The avant-garde of the 1970s and 1980s in the struggle against Socialist realism. St.-Petersburg: Aleteja, 2023. 232 s.
21. *Sapgir G.* Selected Poems.Moskva — Parizh — Nyu-Iork: Izd-voTretiavolna, 1993.258 s.
22. *Skoropanova I.* Verses-Dissidents of VsevolodNekrasov. Minsk: IVTs Minfina, 2020.468 s.
23. Poems about the leader. Moscow: Pravda, 1949. 88 s.
24. *Shargunov S.* YuzAleshkovsky: "Bezbashennayamoyabestolkovka..." // Iunost'[Youth]. 2021. № 9. S. 8–9.
25. *Shklovskii V.* Technique of the writer's craft. Moscow; Leningrad: Molodaiagvardiia, 1927.72 s.